

Нати́г РАСУЛЗАДЕ

Народный писатель

данно погода резко поменялась, подул северный ветер, стало значительно холодней, небо затянулось тучами, пошел мелкий, колочий дождик, как бы предупреджая о возможности снегопада.

- Трудно в это поверить, - говорили они, - он был так полон жизни...

- Он так любил свою семью, - говорили они.

- Свою внучку...

- Своих друзей.

- Ты не замерзла? - спросил он.

- Нет, - сказала малышка. - Я сама не замерзла, только ножки замерзли.

- Давай я тебя возьму на руки.

- Нет, - сказала она. - Я уже большая и тяжелая. А тебе нельзя носить тяжелое.

- Это кто сказал?

- Мама сказала. Она говорит - у тебя был инфак... тор...

Он усмехнулся про себя, не ощущая необходимости поправлять ее. Они еще походили по бульвару. В это время дня здесь было мало народу, редкие прохожие, трусцой пробегавшие мимо, дыша морским воздухом, бульварные маньяки, приходившие сюда ежедневно как на работу, более того - без выходных. Он не любил крайностей, которые любое прекрасное начинание делали уродливым, и

и примитивный путь к сердцу читателя, а он не любил легкое и примитивное и слишком уважал эту малышку, чтобы умилять ее выговором кого бы то ни было. А он писал. С давних пор профессиональная привычка заставляла его смотреть на все вокруг глазами писателя, особенно на близких, горячо любимых людей, в первую очередь - на них. Он про себя описывал каждое ее движение, каждый ее жест, каждое слово, и то, как она смешно, по-взрослому порой вздыхала, будто устав от тяжелых однообразных будней, и как она улыбалась, как хитро шурилась, когда хотела подшутить над ним, как заливалась смехом, запрокинув голову, в точности как он сам в молодости, полный энергии, шуток и смеха, готовых выплеснуться по любому поводу.

- Лично я в ресторане буду смотреть на тебя, - ответил он.

- Нет, - возразила она. - В ресторане люди кушают и пьют кока-колу. Лично я буду кушать.

- Ты проголодалась? А что бы ты хотела?

- Лично я хотела мороженое, - сказала она, хитро прищурившись и уставившись ему в лицо в ожидании его реакции.

- Нет, придется сказать.

- А мороженое было совсем теплым, правда? Это же не считается как настоящее мороженое, а, или считается?

- Это уж как мама посчитает.

- Мне уже совсем тепло. Пойдем, погуляем.

Он с удовольствием закурил на воздухе, когда они вышли из совершенно пустого, без посетителей, теплого ресторана зала на свежий с ошутимым уже морозцем воздух, с наслаждением затянулся и искомое поглядел на нее, предвидя заранее ее реакцию. Она нахмурившись ответила на его взгляд, тихо вздохнула, как взрослый человек, понимающий свое бессилие в данном случае, и ничего не сказала.

- Я уже меньше курю, - сказал он ей, - гораздо меньше, ты заметила? Раньше, когда мы гуляли, я курил все время, а теперь - видишь - это первая сигарета...

Говорил он извиняющимся тоном, и это было ей неприятно, непривычно, чтобы взрослые говорили с ней таким тоном, это доказывало - она чувствовала - что взрослые тоже ошибаются, делают не то, что нужно, и разрушало живущую в ней иллюзию и устоявшееся благодаря родительскому воспитанию правило, что

ВНУЧКА

потому сам на приморский бульвар с целью подышать свежим воздухом не ходил, но внучку выгуливал, как только выдавался свободный час.

- Пойдем посидим в ресторане, - сказал он.

- В ресторан маленьких не пускают, - возразила она с серьезным видом.

Он взглянул на ее озабоченное личико и любовь горячей волной прихлынула к сердцу его, сердце восторженно запрыгало в груди, как птица в клетке, которую неожиданно выпустили на волю, почувывая, понимая своим птичьим сознанием предстоящую ей волю.

- Пустят, - успокоил он ее, хотел поднять, прижать к груди, но тут же пришла мысль, что она в этой шубке и в самом деле немало весит. Теперь приходилось всего остерегаться, беречься, все делать с оглядкой, подавляя эмоции, выше которых он ничего не ставил в жизни. Они вошли в теплый зал ресторана. После холода, идущего с открытого моря, тепло, насыщенное ресторанными пряными запахами, показалось более чем благотворным. Он посадил ее за стол, предварительно сняв с малышки шубку и шапку. Она положила ручки на край стола и глянула на него.

- Ну, что мы будем делать в ресторане? - спросила она с серьезным видом, будто ожидала бог весть какого важного ответа на свой вопрос. Вообще-то она немного шепелявила, и вопрос ее прозвучал несколько иначе:

- Ну, сто мы будем делать в лестолане?

Но он не хотел так писать ее выговор, потому что это был наиболее лег-

- Твоя мама меня убьет, если я возьму тебе мороженое.

- Не бойся. Я ей скажу, и она не убьет.

- У тебя совсем недавно ангина была. Тебе нельзя холодное.

Она помолчала, поглядела вокруг, увидела, как он жестом остановил официанта, подходившего к их столу.

- А теплое мороженое бывает?

* * *

- Что ж, - говорили они, - все там будет, никому не миновать...

- Сейчас, - говорили они, - будут стараться сделать из него ангела, а ведь он далеко не ангел, я, например, такое про него могу порассказать...

- Поттише, здесь не место...

- Все мы не ангелы, у каждого свои слабости, надо уметь прощать ближнему, - говорили они.

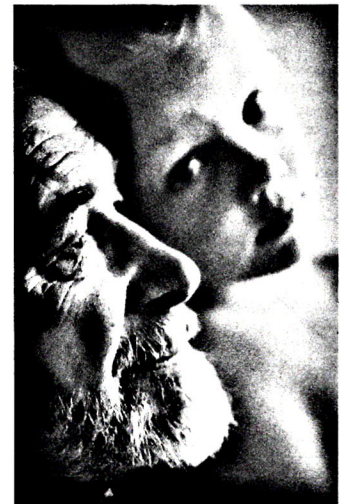
- Смотри, как я умею, - сказала она и стала выдувать пузыри через трубочку в стакане с кока-колой.

Он задумчиво покивал, глядя на нее и думая о чем-то своем, о многом, о разном, что не смог бы при желании конкретно назвать сейчас, о том, о сем, как говорится. Очень хотелось курить, но при ней в помещении он старался воздерживаться, чтобы не отравлять воздух, которым дышит она, хотя и понимал, что это смешно, куда уж больше отравлять воздух этого города, этих улиц и этих помещений, отравленных донельзя.

- Хочешь, научу тебя? - сказала она.

- Нет, спасибо.

- Мы маме не скажем, что скушали мороженое? - спросила она, не глядя ему в глаза.

взрослые всегда правы. Она не ответила. Они продолжали молча гулять.

- Мы немножко погуляем и пойдем домой, - сказал он. - Тебе скоро пора обедать.

- Хорошо, - сказала она. - Только я не хочу кушать.

- А что у него было? - говорили они.

- Ведь он совсем не старей...

- Ах вот как, - говорили они. - Да... Сердце... Профессиональная болезнь. Быстро изнашивается при такой работе...

- И при таком окружении, - говорили они.

И тут, уже собираясь возвращаться домой, они встретили знакомого.

- Добрый день, дорогой, - приветствовал их знакомый. - Сколько лет, сколько зим! Непривычно видеть вас на бульваре... Да, а я частенько хожу на прогулки. Единственное оставшееся место, кажется, в нашем городе, где еще можно дышать... Впрочем, вы курите много, вам, наверно, все равно где и чем дышать... Ха-ха! Плохо, плохо, дорогой, в нашем возрасте пора уже бросать дур-

- Не может быть, - говорили они, - я только вчера его видел, он поднимался из подземного перехода.

- Не может быть, - говорили они, - два дня назад он звонил мне...

В воздухе пахло весной, хотя вчера только шел мокрый снег, и небо было сумрачным, и настроение - тоскливым, хотелось спать, плакать, прочувствовать свое давнишнее, затвердевшее, как камни в почках, сиротство. Но здешние обитатели уже привыкли, что погода резко меняется, и запахи весны никого не могли обмануть.

- Это - плохая погода, - сказала малышка.

- Почему? - удивился он. - Видишь - солнышко, - он показал, запрокинув голову, взглядом на небо. - Тепло на улице. Разве это плохо?

- Да, - сказала малышка, улыбаясь. - Бабуля говорит, что такая погода нездоровая. Все болеть будет.

Он промолчал.

- Но тебе ведь нравится солнышко? - спросил он после недолгой паузы.

- Нравится, - сказала она.

- Это главное, - сказал он. - Главное мнение - твоё.

Теперь она промолчала, не совсем поняв его. Долго молчали, шагая по бульвару. Легкий, теплый ветерок, небольшая рябь на воде, море тихо дышало, будто боясь спугнуть неожиданное дыхание весны.

- А завтра опять будет солнышко?

- Не знаю, - сказал он. - Поживем - увидим.

Она вдруг засмеялась. Он, улыбаясь, поглядел на нее.

- Ты всегда так говоришь, - сказала малышка. - Почему?

- Привык, - сказал он. - Хочешь на карусель?

- Не, - она мотнула головой.

- Не хочешь на карусель? - удивился он.

- Не, - повторила она. - Лучше мы будем ходить и разговаривать.

- Хорошо. О чем же ты хочешь разговаривать?

- О планетях.

- Об инопланетянах?

- Ага. Пойдем туда, - она указала пальчиком на астакаду, уходящую в море.

Он покорно повел ее в сторону эстакады, они дошли до самого конца, и она задумчиво уставилась на море. Он смотрел на нее, не отрывая взгляда. Неожиданно

